

Андрей Макаров

ПОДАРОК ДЛЯ ЛЮБОВНИЦЫ

**Смешные и трагические рассказы
с неожиданной развязкой**

18+

Андрей Макаров

**Подарок для любовницы.
Сборник рассказов**

«Автор»

2020

Макаров А.

Подарок для любовницы. Сборник рассказов / А. Макаров — «Автор», 2020

Сборник смешных и драматичных рассказов с неожиданной концовкой. Что было бы, если бы булгаковская Маргарита жила в 21 веке? Как на самом деле строили летучий корабль? Зачем к вам пришел ангел-хранитель? И что будет, если попасть на эротический массаж по ошибке? Вообще, все ли события таковы, какими кажутся на первый взгляд? Автор преподносит многие жизненные ситуации совершенно по-новому. При этом одни события откровенно смешные, а другие очень грустные. Но всегда совершенно неожиданные.

© Макаров А., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Будни Ангела	5
Дети девяностых	10
Плоды сирени	12
Сладкая жизнь	14
Лимонад для чемпионов	16
Нехорошая квартирка	17
Всего сто рублей.	18
Коляска	21
Летучий корабль московского уезда	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Андрей Макаров

Подарок для любовницы.

Сборник рассказов

Будни Ангела

Стасу казалось, что дверной звонок звенит у него непосредственно внутри мозга. Как же раскалывается голова после вчерашнего! Словно тысячи мелких иголочек пронзительно впиваются в неё со всех сторон.

– Проваливайте к чёрту! – прохрипел Стас. Но судя по всему, безо всяких гарантий, что его услышали с внешней стороны двери, потому что звон всё не стихал.

Стас поднес телефон к глазам. 7:30 утра. Кто мог припереться в такую рань? Это как минимум невежливо! А учитывая тот факт, что Стас только пару часов как прилёг после бурной вечеринки, приходиться в гости в такое время и будить хозяина квартиры было просто верхом бесчеловечности.

– Чёрт бы вас побрал! – хотел закричать Стас, но горло издало нечёткие булькающие звуки. Непрестанно охая от головной боли и чертыхаясь, он всё же добрался до входной двери и резким рывком открыл её. Такой подвиг дался ему нелегко: голова закружилась, и к горлу подкатила тошнота.

На лестничной площадке стоял не очень опрятного вида мужичонка, невысокого роста, лет 50–55, в каком-то сером ватнике, валенках, ватных штанах и белой вязаной шапочке. Лицо незнакомца покрывала щетина минимум трехдневной давности.

Не говоря ни слова, незнакомец аккуратно отодвинул Стаса в сторону и прошёл в комнату. Честно говоря, если бы хозяин квартиры был в хоть чуть менее плачевном состоянии, ему бы стало очень стыдно за текущую жилищную обстановку: постель напоминала то ли море во время шторма, то ли пустыню во время бури; на полу валялись бутылки от различных напитков, о которых определённо можно было сказать только то, что это точно не лимонад; засохшие недоеденные куски пиццы лежали в таких местах, что понадобился бы частный детектив высшей квалификации, чтобы выяснить, каким образом они туда попали.

– М-да... – сказал неизвестный, внимательно осмотрев квартиру, а затем не менее внимательно оглядев Стаса с головы до ног. – М-да... – опять повторил он. И даже немного скривился, как от зубной боли. – Однако порядочек тут у вас, молодой человек...

– Послушайте, вы вообще кто? – наконец очнулся хозяин квартиры. – Почему вы без спросу врываетесь в мой дом?

– Я вот тут сяду на табуреточку, вроде она в ближайшие полчаса сломаться не должна, – гость взял валяющуюся в углу табуретку, поставил её к столу и уселся на неё. – Да ты тоже садись, в ногах правды нет.

– Да объясните мне, наконец, кто вы такой, что здесь делаете и почему вы мне тыкаете? – возмутился Стас.

Честно говоря, его можно понять: представьте себе, что в ваш дом врывается незнакомец, чёрт-те знает как одетый, да ещё и распоряжения раздает направо и налево. Так что возмущение – это, пожалуй, самый лёгкий и необременительный вид реакции на такого рода вторжение.

– Я-то? – говорил незнакомец немного суетливо, как-то несолидно. – Я ангел.

– Кто? – Стас подумал, что ослышался.

– Ангел. Ну знаешь, там небеса и всё такое.

– Какой ангел?

– Как какой? Хранитель, конечно!

– Чей хранитель? – Стасу казалось, что кто-то из них двоих сошёл с ума. А возможно, и оба разом вместе.

– Вот ведь балбес! Твой, конечно, чей же ещё? Я ж к тебе пришёл. Если бы я был бы чей-то чужой, какого лешего я бы к тебе припёрся? Думай головой-то, прежде чем дурацкие вопросы задавать. Не веришь?

– Нет, – твердо ответил Стас. С рождения он был атеистом, его даже в церкви родители не крестили.

– А зря, – ответил пришелец и поднял указательный палец вверх. – Но я тебе докажу. Смотри!

С этими словами над головой незнакомца появилось белое сияние, он раскинул руки, распрямился и на несколько секунд завис в воздухе. Немного повисев, он с шумным выдохом опустился обратно на табуретку.

– Уф... Тяжело дается эта новомодная левитация. Долго не продержаться. Это молодёжь этим балуется, а я-то всё больше по старинке, на крыльях. На крыльях – оно, знаешь, как-то душевнее. Ну что, теперь веришь?

Стас стоял ошарашенный. Он уже не знал, чему верить. Может, это похмелье выкидывает с ним такие штучки? На всякий случай лучше уж со всем согласиться.

– Угу. А крылья у вас где? – невпопад спросил он.

– Так ведь в этом-то и главная заковыка. Кабы у меня крылья были! Сдаём мы их на КПП под расписку, когда на землю отправляемся. С крыльями на землю ни-ни.

– Почему? – Стас вовлекался в какой-то поистине фантазмагорический диалог.

– Не положено. С давних времен ещё. Совсем-то давно было можно, а потом запретили чегой-то. То ли озоновый слой разрушается, то ли ледники тают, я в этом не сильно разбираюсь. Теперь только по специальному разрешению полетать можно. Но его поди достань ещё.

– При чём здесь ледники? – Стас уже даже забыл про головную боль.

– Так ведь по всей земле летали, а скоростя-то знаешь какие? Метеориты медленнее падают. Ну и ученые нарассчитывали, дескать, сопротивление воздуха, увеличение температуры и т. д.

– Бред какой-то, – не удержался Стас, имея в виду всю ситуацию в целом.

– Так ведь и я говорю, что бред, – казалось, незнакомец был рад, что нашёл понимание у хозяина. – Ну как это могут льды таять от того, что ангелы над землей летают? И все так сначала думали, что бред. А как начали по ангеловизору каждый день про это трепаться, так и поверили все. Я-то этот чёртов ящик не смотрю, там похабщина одна, – Ангел задумался. – Вот приходится теперь по земле на ногах ходить, – после небольшой паузы задумчиво проговорил он. – А как раньше привольно было! Летишь себе, воздух свежий, красота! Я думаю, – заговорщицки понизил голос ангел, – что это всё из-за этих разрешений. За каждое ведь нужно пошлину уплатить... Ну да ладно, Стас, заболтались мы, я ведь к тебе по делу, – тон ангела сделался деловым и более решительным.

– А откуда вы знаете, как меня зовут? Я же вам не говорил, – удивился Стас.

– Вот болван! Говорю же тебе, я твой ангел-хранитель, я всё про тебя знаю. И как в пять лет ты банку варенья со стола стащил, всю её съел, а остатками вашего пса обмазал. А у тебя, между прочим, тогда диатез был! Или как ты в девять лет уверял родителей, что это тебя большие пацаны обкурили, а сам за школой с друзьями каждый день сигаретами баловался. И куда только учителя смотрели! Или как ты в четырнадцать весьма убедительно и страстно уговаривал Машку на...

– Ладно-ладно, хватит, не нужно больше, – на лбу хозяина квартиры даже выступила испарина. Не каждому приятно, когда на свет вытаскивают твоё грязное бельё, про которое ты

почти забыл. – Я всё понял, ты всё про меня знаешь. – Стас сам не заметил, как перешёл на «ты». Сложно выкать тому, кто рассказывает про тебя такие вещи.

– Ну вот и хорошо, разобрались. Надеюсь, теперь ты осознал, что скрывать что-либо от меня бессмысленно?

– Осознал-осознал, – Стас окончательно сдался на милость победителя.

– Это хорошо, что осознал. Ну тогда слушай дальше. Я к тебе тут не просто так пешком шесть километров по городу шёл с места высадки...

– А почему пешком? Есть же транспорт.

– Хватить меня перебивать! – ангел немного разозлился. – Почему-почему... Командировочных нам не дают, вот почему! Вернее, дают, но для этого нужно такую стопку бумаг собрать и столько подписей поставить, что если нужно куда по-быстрому смотаться, то уж лучше без них... А то я бы до тебя только через месяц добрался.

– Ну да ладно, неважно всё это, – продолжал ангел. – Я ж тебе и говорю, дело у меня к тебе. Даже не знаю, как сказать... В общем, замотался я, упарился. Это ж сущее наказание, твоим ангелом-хранителем быть. Другие вон хранители целыми днями на облаках лежат, ничего не делают, максимум пару раз в месяц вмешаются в судьбу своего подопечного, и снова отдыхать... Ты же у нас – это что-то с чем-то!

– Что-то я не припомню, чтобы кто-то меня от чего-то спасал, – с усмешкой проговорил Стас. – Что-то больше какие-то неприятности случаются.

– Ах, не помнишь, ну так я тебе напомним! – Ангел даже подскочил со стула. – Помнишь, два года назад зимой ты с бронхитом и высокой температурой слёг, а должен был на Бали лететь? Ты ещё так переживал, что деньги пропали? Ну так вот, это я всё устроил. Если бы ты на том самолёте полетел, то никуда бы ты не долетел. Разбился бы самолёт тот.

– Так ведь он не разбился!

– Понятное дело, не разбился, ты же не полетел. А полетел бы, так обязательно бы разбился.

– Это ещё почему?

– Почему... Потому! Законы такие небесной механики! Ты бы перед полётом напился, нагрубил стюардессе, а она с пилотом спит, да ещё он от жены уходить не хочет. Вот она под твоим впечатлением и бросила бы его прямо перед рейсом. А он переживательный, ну и не рассчитал бы посадку. А второй пилот... В общем, долго объяснять. Надеюсь, теперь понятно?

– Нет, не понятно, – у Стаса опять закружилась голова от обилия информации.

– Ну вот ведь, свалился на мою голову, ничего не понимает... Или вот ещё пример. Ты год назад из клуба на такси со Светкой, которую первый раз в глаза видел, поехал в гостиницу? Поехал. Доехал ты до неё? Нет. Потому что колесо в такси пробило. Ну не знак ли свыше? Так нет, ты же пешком туда пошёл, вот как тебя припёрло! Дошёл ты до гостиницы? И что? Помнишь? Номеров свободных нет! Ты думаешь, что на самом деле в огромной гостинице номеров свободных нет? Как бы не так! Просто к администраторше хахаль ейный пришел, и некогда ей было с тобой возиться! Так и остался ты ни с чем. А знаешь, кто всё устроил? Я! А знаешь почему? Потому что через два месяца у Светки сифилис нашли. Так что ты бы поменьше жаловался. Да почаще бы мне спасибо говорил.

– Это что же, выходит, всё, что со мной в жизни происходило, – это всё ты устроил?

Как для любого свободолюбивого человека, мысль эта для Стаса была неприятна и унижительна. Он вмиг вспомнил кучу гадостей, которые совершил в своей жизни. Мало того, что пришелец всё знал о них, так ещё и руководил!

– Вот ведь эка бестолочь! – возмутился ангел. – Ещё чего! Делать, что ли, мне нечего, и так с тобой тут дел по горло. Сам ты всё делаешь, сам! Просто в некоторые критические моменты мне приходится вмешиваться, чтобы с тобой какой беды не случилось. Но учти, я

уже поистрепался весь, надолго меня не хватит. Ещё немного твоих выкрутасов, и отправят меня на досрочную пенсию по состоянию здоровья.

– А что я такого сделал-то? – удивился Стас.

– Да ты только и делаешь, что что-то делаешь! Говорю же, язык уже на плече с твоими выходками. Но вчера это вообще уже за гранью было! Три беды за один вечер отвести! Это ведь Расскажи кому – так не поверят. У других хранителей столько как раз за полгода набирается. Эх, что за жизнь у меня могла бы быть, если бы не ты! – ангел даже мечтательно поднял лицо кверху и закатил глаза.

– А что вчера было-то? Вроде и не было ничего, – Стас упрямо не помнил никаких плохих происшествий за вчерашний вечер. Ну посидели, выпили... Повеселились, в общем, с друзьями.

– Слушай, ты тест на IQ не сдавал? Да нет, и не сдавай, тебе не нужно. Нет у тебя никакого IQ. Отсутствует.

– Это еще почему? – Стас даже немного обиделся. Хотя, конечно, на ангелов обижаться глупо.

– Да потому что я тебе битый час одно и то же твержу, а ты заладил как попугай: не было ничего, не было ничего. В том и соль, что не было ничего, потому что я это предотвратил! Все беды от тебя отвёл, – Ангел разгорячился не на шутку. – Вот зачем ты вчера в баре сказал так, чтобы было всем слышно, что чем длиннее кальян, тем короче... Ну, в общем, ты помнишь. Нам, ангелам, такие слова нельзя произносить.

– Так что такого? Сказал и сказал. Вроде ровно всё было.

– Ага, ровно. Между прочим, человек это принял как личное оскорбление. Тем более что у него действительно была прямая корреляция с длиной кальяна... А там три десантника, между прочим, были, и хотели они из вашей светлости котлету сделать и на фарш пустить.

– Сначала на фарш пустить, потом котлету сделать, – механически поправил гостя Стас.

– Да неважно. А ты заметил, как быстро они собрались и ушли? А не думал почему? Да потому что жена одному позвонила, сказала, что рожает. Так-то ей ещё две недели ходить нужно было, но пришлось тебя спасать, преждевременные роды устраивать. Я по линии судьбы проверил, ребёнку от этого только лучше будет.

– Почему лучше?

– Да какая тебе-то разница? Ты лучше о себе дальше слушай. Потом вы с друзьями куда пошли, когда бар закрылся? Правильно, в другой бар. Не дошли туда? Правильно, не дошли. А почему? Потому что проехала машина и с ног до головы окатила тебя грязной водой. Тоже я устроил. Не догадываешься почему? Потому что ты напился бы там уже до совершенно скотского состояния и вызвал бы такси в ночной клуб. А таксист уже вторую ночь не спит. Он бы на перекрёстке уснул, а там КаМАЗ прямо в бочину... Вероятность летального исхода в твоём случае – девяносто два процента. И последнее, – продолжал ангел, – тебе, балбесу такому, сколько раз говорили не курить в постели? Ты же знаешь, что от этого бывает?

– Так у меня вроде пожарная сигнализация... – слабо попытался возразить Стас.

– Ага, сигнализация. Иди, проверь – не работает. Ты батарейки когда последний раз менял-то? Вот то-то и оно. А кто опять всё устроил? Я! Ты когда в круглосуточный за сигаретами пошёл, что оказалось? Правильно, закрыт. Я так понимаю, первый раз в жизни. Представляешь, какая незадача: после пересменки вечером двери магазина хотели открыть, а ключ возьми да и сломайся. Половина в руке – половина в замке осталась. Пока проблему решили, ты уж дома спал. А я до этого два часа в библиотеке сидел, химические трактаты изучал, придумывал, как такой фокус с ключом провернуть, чем и в каком месте его обработать нужно. В общем, умаял ты меня, – продолжал гость. – Ещё чуть-чуть – и всё, баста. На пенсию. Столько бед на себя брать – это ж кому под силу!

– Так а разве все эти беды вам достаются?

Ангел тяжело вздохнул и немного даже как бы сник:

– В идеале, конечно, нет. И когда нас из школы в хранители вербовали, объясняли, что всем дадут специальные бедорассеиватели. Ты беду с человека себе взял, через бедорассеиватель пропустил – и всё. Беда рассеялась, тебе ничего не досталось, всё хорошо.

– Ну вот видишь, что же ты тогда?

– Да видишь ли, это в идеале... А на деле рассеиватели в Китае закупили...

– Неужто Китай и вам свои товары продаёт? – удивился Стас.

– Конечно, продает. Где нам это все брать-то? На небе заводов нет. И вообще, не перебивай меня. Ну так вот, рассеиватели в Китае закупили, а у них КПД – девяносто пять процентов только. Зато на триста юаней дешевле... Вот эти пять процентов нам и достаются. Если ты три раза за полгода работаешь, так это ничего, само проходит. Ну или таблетки какие выпишут доктора на крайний случай. В твоём же случае эти пять процентов просто беда... Еле ноги уж волоку. Вчера ты меня совсем добил. Понял, не сдую я такими темпами. Надо, думаю, с тобой поговорить. Решился, так сказать, на должностное преступление. Нам это категорически нельзя. Ну да мне терять уже совсем нечего. Либо ты как-то остепенишься, либо всё, конец.

– Да, у нас тоже из Китая везут не очень качественные товары, – невпопад ответил Стас. – Слушай, а может, Китай ещё и с преисподней торгует?

– Да какая тебе разница! Ты о себе подумай! Нет, с ней они больше не торгуют. Почему? Это история интересная. Как-то заказали они китайцам партию автоматических котлов для грешников. Зачем? Ну, модернизация производства там, увеличение производительности, уменьшение ручного труда. Хотя, конечно, на кой ляд они там нужны, не пойму. Веками всё было отработано, так нет же, «долгой дедовские методы, даёшь технический прогресс» и так далее. В общем, котлы они заказали, контракт подписали, кровью скрепили.

Контракт стандартный – всю вечность такие контракты подписывали, всегда хорошо всё было, никаких накладок никогда. И вот приходят эти котлы – а там, между прочим, почти две тысячи штук – и большинство из них не работают. Те-то, конечно, сразу к китайцам, мол, как же это, забирайте котлы, давайте деньги обратно. А китайцы их носом в контракт тычут. Спрашивают: форма изделий соответствует заявленной? Те отвечают: да, соответствует. Вес соответствует? Да, соответствует. Технические характеристики металла соответствуют заявленным? Да. Количество – то, которое заказывали? Да. Пришло всё вовремя? Да. Так чего вы от нас хотите? Те им с пеной у рта: «Так ведь они не работают!» А китайцы: «А покажите нам пункт в контракте, где написано, что они должны работать?»

Ну, те думали-думали, с юристами советовались, – продолжал ангел, – да только в суд даже не стали подавать, бесполезно потому что. Не подкопаться. Всё согласно контракту, – ангел на минутку задумался, зевнул, потянулся и сказал назидательно: – Ты это, давай впредь поаккуратнее, думай, что делаешь, а то спишут меня по состоянию здоровья, а нового хранителя не дадут тебе, такие правила, за жизнь не больше одного ангела на человека. Заболтал ты меня совсем, обратно мне уже нужно. В общем, твоя судьба в твоих руках, я тебя предупредил, а там уж как знаешь.

Ангел встал с табуретки, занял у Стаса на проезд и вышел из квартиры, даже не попрощавшись.

Дети девяностых

Девяностые были временем чудесным. Этого совершенно не понять ни инфантильным современным так называемым миллениалам, то есть тем, кто родился уже в XXI веке, ни более старшему – советскому поколению, вся жизнь которого прошла при развитом социализме, а перестройка и распад Советского Союза означали для них, по сути, и крушение их собственной жизни. И для тех и для других девяностые – это что-то непонятное, агрессивное, недружелюбное и очень опасное. Для первых – потому что они про это ровным счетом ничего не знают (ну, разве что кроме сакраментальной фразы «я рос в девяностых, меня не возьмешь» в выдающейся песне Семёна Слепакова, что, конечно же, только нагоняет дополнительного страха перед мифическими временами); для вторых – потому что советскому человеку в новой капиталистической России было выжить ох как непросто. И банальная добыча еды становилась, как в пещерные времена, чертовски опасным занятием, когда в начале охоты еще не до конца было понятно, кто на кого охотится и кто после завершения охоты будет сытым охотником, а кто ужином.

Девяностые были не для них. Они были для нас. Только мы, дети девяностых, могли по достоинству оценить то чудесное время. Современным детям понять нас будет сложно. Мы, например, покупали в магазине разноцветные пакетики с порошком неизвестного происхождения (про который однозначно можно было сказать лишь то, что органики там явно не было), насыпали его в двухлитровую бутылку воды, перемешивали, и – вуаля – у нас два литра сока! Но это ещё «буржуйский вариант». Народный рецепт – это пакетик, рассчитанный на два литра воды, размешать в четырёх. Получалась совсем несладкая, кислая бурда с лёгким привкусом цитрусовых. Да, это было невкусно даже нам, суровым детям девяностых, но чёрт побери, это же было в два раза больше! Приходилось пить.

Главными ценностями в то время были... барабанная дробь... Современные дети не угадают ни за что. Главными ценностями были жевательные резинки, или, как мы их тогда называли, «жевачки». И не потому что они очень вкусные. А потому что их можно было долго жевать и в них были вкладыши. И тем более, кроме них ничего и не было. Вкладыши – это серия пронумерованных картинок или фотографий. В каждой «жевачке» – один случайный вкладыш, и нужно было собрать всю коллекцию, например, с номера 1 до номера 70. «Жевачки» покупались исходя не из вкуса, а из того, кто какие вкладыши собирал. Цены на них были конские, по-другому не скажешь. Буханка хлеба стоила 1 рубль, а «жевачка» – 10 рублей.

Но с течением времени эти чудесные товары постепенно были вытеснены с пьедестала, и пустующий трон занял Он. Только так, только с большой буквы. «Сникерс». Если «жевачки» воспринимались как что-то клёвое, но все же небольшое и не очень важное, то «Сникерс» был олицетворением западных ценностей, свободы, процветания и достатка. Не каждый смертный мог позволить себе купить этот деликатес, а счастливый обладатель этой реликвии старался растянуть удовольствие потребления на как можно больший срок. Для этого «Сникерс» хранили – внимание! – даже не в холодильнике, а в морозильнике! Чтобы не пропал. Бедные советские дети, не избалованные западными излишествами, наивно полагали, что там было то, что может испортиться.

«Сникерс»! Сколько чаяний и надежд было связано с этим советским эквивалентом роскоши! А какие они были все разные! Вот тебе «Сникерс» обычный, вот тебе «Сникерс» «+ 20 % бесплатно». Обычный «Сникерс» стоил 2200 рублей, а с бесплатной добавкой – 2800 рублей. Ох уж этот период становления капитализма!

В девяностых все мальчишки – представляете, все! – играли в футбол. Причём и те, кто любил это делать, и даже те, кто этого не любил, потому что всё равно альтернативы не было никакой. Играли во дворе, безо всяких футбольных полей, в качестве ворот использова-

лись либо стволы деревьев, либо какие-то элементы детских игровых площадок. И несмотря на такое повальное увлечение этой поистине великой игрой, способной сплотить людей самых разных кругов и уровня развития, мяч, как правило, был только у одного человека. И он был Королём. Вершителем судеб. Потому что только он решал, вынести ли ему мяч во двор и осчастливить подданных или оставить челядь прозябать безо всякой надежды на скорейшее спасение.

Это было то время, когда владелец любой иномарки считался сказочным богачом, а главной семейной ценностью и поводом для соседской зависти была даже не квартира, а ремонт. Потому что квартиры давали бесплатно, а за хороший ремонт нужно было платить. И далеко не у всех было чем.

Стоит ли удивляться, что в подобной обстановке даже мы, дети, старались заработать кто как только мог.

Плоды сирени

Мой первый коммерческий опыт был основан на жесточайшей маркетинговой эксплуатации наиболее социально уязвимых слоёв населения. Я думаю, все уже догадались, о ком идёт речь. Конечно же, о младших братьях. Это сейчас у нас всякие гуманитарные педагогики, психологии и прочая галиматья. Тогда же бесправнее младшего брата в семье могло быть только домашнее животное. Конечно, само провидение велело на этом немного подзаработать. Уж мне – так точно.

У каждого из нас был свой собственный набор ценных вещей: краски, открытки, игрушки и так далее. Имущество это охранялось хозяевами пуще глаза, и любые несанкционированные попытки завладеть чужими драгоценностями на корню пресекались обращением в вышестоящие органы. То есть обычно истошным криком звали маму. Эта локальная полиция быстро наводила порядок, с которым не всегда были согласны обе стороны, особенно агрессор в лице старшего брата, который хотел отщипнуть себе дополнительный кусочек от общих благ, а ему этого делать не давали. Видимо, он считал, что дополнительное ему положено по праву рождения.

Так что прямыми действиями чужим имуществом было не завладеть. Поэтому мной был разработан гениальный план захвата оногo, включающий в себя, как мне ни стыдно сейчас в этом признаваться, элементы мошенничества и подлога, а также кустарное изготовление фальшивых денежных средств. Сторона, впоследствии признанная потерпевшей, была мною убеждена в том, что листки отрывного календаря являются не чем иным, как самыми настоящими деньгами, и на них можно купить что угодно. В результате была осуществлена коммерческая сделка – прошу заметить, обеими сторонами добровольно, без какого бы то ни было принуждения с чьей-либо стороны! – по обмену чудесных нетронутых новых красок на кипу по факту бесполезной бумаги. Я был доволен полученной прибылью. Фактически маржа составила 100 %, поскольку листки эти, конечно, никому нужны не были.

Но, к сожалению, радовался я недолго. После официального разбирательства надзорный орган сделку не одобрил, признал ничтожной и обязал стороны её расторгнуть, а материальные активы вернуть изначальным владельцам. Короче, пришла мама, отобрала у меня краски и вернула их младшему брату. И это всё было бы не так обидно, если бы и мне обратно вернули листки отрывного календаря. Мне они, конечно, не были ни за какой надобностью, но ведь дело не в надобности, а в справедливости! Но брат их, к сожалению, уже куда-то дел. Мне тогда было лет, наверное, шесть.

Следующий мой коммерческий опыт состоялся в десять лет. Это было совместное предприятие на паевых началах, кооперативного типа, с дерзкой, агрессивной маркетинговой политикой. Я и еще несколько друзей решили немного подзаработать на весне. А именно на сирени. К слову сказать, сирень тогда росла везде, буквально на каждом шагу, и была в абсолютно свободном доступе. Весь воздух был пропитан этим чудесным запахом весны. Запахом скорого окончания школьных занятий. Запахом приближающихся огромных летних каникул. Так почему бы на этом чудесном запахе ещё и не подзаработать? Труда добыть ветки сирени и сделать из них букет не было никакого. Основной задачей корпорации было наладить сбыт. Тем более что спрос на продукцию явно был. Это мы видели по бабушкам, сидящим рядом с автобусной остановкой и торгующим ровно тем же самым. Да, это были наши прямые конкуренты. Матёрые, опытные и опасные. Но, как это часто бывает с лидерами рынка, уж больно неповоротливые и негибкие. Наш консорциум решил сполна воспользоваться этим обстоятельством.

Была разработана и формализована чёткая система продаж. Такой системе позавидуют даже гербалайфовцы. Они-то со своим узким мышлением и неспособностью выйти за рамки не придумали ничего лучше, чем заходить в любой магазин, офис, ресторан и там предлагать

свою продукцию обслуживающему персоналу. О, неразумные! О, несмелые! О, непоследовательные! Мне их даже немного жалко. Со своей стороны, мы не собирались ограничиваться полумерами. Нет, агрессивный маркетинг – значит, агрессивный маркетинг. По сравнению с нами адепты «Гербалайфа» выглядели брошенными на произвол судьбы беспомощными котятками. Мы предлагали нашу продукцию *каждому* встречному. Это был тотальный террор. Население городка было повергнуто в шок и трепет. По нашей улице боялись ходить, и несчастным гражданам приходилось делать приличный крюк, только чтобы не попасть под этот артобстрел. Представьте себе ораву 10–11-летних мальчишек, не очень чистых, у каждого в руках по несколько букетов сирени, они подходят ко всем прохожим подряд с единственной, но очень ёмкой и конкретной фразой: «Купите сирень!» Впрочем, был ещё и другой вариант, который звучал так: «А сирень купите!»

Но это ещё даже не вся соль происходящего геноцида. Дело в том, что рвения и желания продать у нас было хоть отбавляй, в отличие от разума и критического мышления, поэтому мы не просто подходили к каждому прохожему, а – внимание! – *каждый* из нашей оравы подходил к *каждому* прохожему. Мы это делали по очереди. Логика была такая: если не купили у него, то это совершенно не значит, что не купят и у меня! И вот идёт, например, мирный, ничего не подозревающий житель, который наивно полагает, что война закончилась сорок лет назад и можно наслаждаться спокойствием и уютом мирного времени, как вдруг на него набрасывается толпа головорезов, нагло требующих у него войти в положение угнетённого рабочего класса и поддержать малый бизнес и отечественного производителя. Прямо скажем, не всем по душе пришлась такая оккупация, в результате чего весть о минном поле облетела полгорода, и мы начисто лишились всех клиентов.

К этому времени мы поняли, что некогда эффективная рабочая стратегия себя изжила. Но ведь дети – это не взрослые. И опускать руки было не в наших правилах. На общем собрании акционеров была разработана новая тактика действий. И, как обычно у детей, нововведение тут же было принято на вооружение. План был простой донельзя, нам даже самим было неловко, почему мы сразу до него не додумались. Заключался он в том, чтобы дежурить рядом с бабушками, продающими сирень на остановках. В тот момент, когда потенциальный покупатель хотел приобрести у них букет, мы быстро подходили и говорили: «Купите лучше у нас. У нас дешевле!»

Бабушки были разорены начисто. Они на собственной шкуре основательно прочувствовали, что такое чёрный пиар, недобросовестная конкуренция, а главное – детская смекалка и незашоренность мышления. А также что такое кризис перепроизводства, неликвидные складские остатки и утрата продукцией товарного вида.

В тот день мы были счастливы. Я не помню, сколько мы букетов продали. Но я точно помню, что каждому хватило на «Сникерс». И даже не на обычный, а на тот, в котором 20 % даётся бесплатно.

Сладкая жизнь

Но, конечно, не все обитатели нашего и соседних дворов обладали такой незаурядной экономической жилкой. Прямо скажем, были и другие наклонности. Причём свойства весьма нежелательного и, как сказали бы наши бабушки, ведущие по скользкой дорожке и непременно под уклон. В свою очередь, я ни в коей мере такие наклонности не одобряю и не оправдываю, но в то же время серьёзным и правильным взрослым не стоит забывать, что дети – это всего лишь дети, и многие поступки они совершают, не вполне осознавая всю их глубину и не вполне представляя себе весь масштаб потенциальных последствий.

В-общем, были и другие способы добывания желаемого. Апофеозом стал совсем незначительный вроде бы случай, занявший буквально три секунды, но разошедшийся у нас, можно сказать, на цитаты.

Дело было вечером, после целого дня на улице всем хотелось есть, но домой по понятным причинам заходить никто не хотел, ибо, как известно, «загонят», то есть из дома сегодня больше не выпустят. Это, кстати, была универсальная отговорка в любое время дня и ночи на просьбы товарищей типа «вынеси воды попить», а также на весь каскад подобных просьб. И так как все были очень голодны, а денег, естественно, ни у кого не было, оставалось нам, как говорится, одно: пропадать. Но вопреки неблагоприятным внешним обстоятельствам среди нас нашёлся герой с пылающим сердцем, который несмотря ни на что всё же вызвался добыть нам еды. Вся компания малолетних бандитов была погружена в полнейшее недоумение, ни у кого не было ни малейших догадок, как можно повернуть подобную сложнейшую операцию в столь неблагоприятных полевых условиях.

На тайном общем собрании членов совета безопасности было принято решение послать за добровольцем соглядатая, с тем чтобы узнать великую тайну добывания еды без денег, что и было тут же исполнено. Потянулись минуты тягостного ожидания. И каково же было наше удивление, когда мы увидели возвращающегося гонца с победно вскинутыми руками, в одной из которых был зажат... барабанная дробь... настоящий батон. На все вопросы по поводу источников происхождения данного чуда невиданного наш рыцарь без страха и упрёка только хитро шурился и отводил глаза в сторону. А посланный за ним шпион всё так и не появлялся.

Конечно, ничего мистического в пропаже соглядатая не было, его просто случайно увидели родители и загнали домой. А так как сотовых телефонов тогда ещё не было, то все перипетии произошедшего стали нам известны только на следующий день. Рассказ разведчика был коротким, но очень ёмким.

Оказывается, наш добытчик встал рядом с хлебным киоском, дождался, когда хлеб купит наш ровесник, подошёл к нему сзади и низким тембром громогласно произнес: «Отдай батон!» Мальчик от удивления потерял дар речи и выпустил батон из рук, чем и воспользовался наш, как мы думали до этого, классический Дон Кихот. Он схватил хлеб и был таков.

Я до сих пор вспоминаю эту историю, но даже не её саму, а представляю, что могло бы быть, когда бедный мальчик вернулся домой. Вот как ему сказать родителям (а время было совсем нищее), что денег у него нет и хлеба нет? Но не потому что он их потерял или украли, а потому что к нему сзади кто-то подошёл и прокричал: «Отдай батон». И если у родителей по предыдущему опыту были хоть мельчайшие основания сыну не доверять, то они в жизни не поверили бы в эту историю. А ведь это чистейшая правда.

Но случай с батоном – это ещё полбеды, всё же это хлеб и голод, и с огромной натяжкой такое простить можно. Да и больших барышей на такого рода операциях не заработаешь. Да и вообще – это всего лишь булка хлеба.

Были и иные индивиды, видимо, презирающие мелочность и мешанство, мыслящие широко и масштабно, но при этом полностью игнорирующие все нормы морали и этики

современного общества, а также, видимо, абсолютно не боящиеся возможного воздаяния за поступки свои в виде домашней порки ремнём по попе. Это сейчас считается, что детей бить нельзя, а тридцать лет назад это был единственный способ воздействия на неокрепшие детские умы, способ для родителей совсем необременительный и в то же время чрезвычайно эффективный. Я ни в коей мере не призываю к карательному воспитанию, но в его защиту могу сказать, что во многие детские аферы я встревал именно потому, что знал, что наказание в виде ремня мне не грозит: так, поговорят по душам, протарахтят что-то там про ум, честь и совесть, да и отпустят с миром. Кстати, в отличие от некоторых товарищей, которые отказывались участвовать в различных мероприятиях именно из-за боязни суровых репрессивных мер со стороны родителей.

Но, конечно, боялись их далеко не все.

Каково было моё удивление, когда одним чудесным летним утром мой приятель помахал у меня перед носом огромной бумажкой с большим количеством нулей на ней. Я совершенно не помню, о какой сумме шла речь, но помню, что это была самая большая из существующих купюр. И хотя она была всего одна, для нас это было просто неслыханное богатство. Лет нам было, наверное, семь-восемь. Но по степени воздействия такого капитала на детские умы и с поправкой на нынешнюю акселерацию я бы сравнил это событие с тем, что шестилетнему ребенку дали пять тысяч рублей. Я думаю, любому здравомыслящему человеку понятно, что ничего хорошего из этого не выйдет.

На все вопросы, откуда такие капиталы, приятель отвечал, что ему их подарила бабушка или что-то типа того. В общем, основной упор в рабочей легенде был сделан на легальность располагаемых денежных средств и полнейшую законность их происхождения. А раз так, то грех не потратить честно нажитое непосильным трудом. Короче, мы пустились во все тяжкие.

Были куплены горы самого дорогого мороженого, которое до этого мы в жизни никогда не пробовали, килограммы элитных вкуснейших конфет и литры самого сладкого лимонада. И в качестве вишенки на торте – вот до чего доводит лёгкая красивая жизнь и неограниченный бюджет – были куплены самые дорогие сигареты в киоске на углу. Из нас никто не курил, но иметь столько денег и не купить сигареты нам казалось просто кошунством. Пришлось начинать.

Современному жителю нашей державы будет тяжело в такое поверить, но в девяностые сигареты и алкоголь продавали всем, в том числе и глупым восьмилетним детям, лишь бы покупали. Никакого регулирования торговли и в помине не было.

Развязка истории, конечно, вполне предсказуема, но от этого не менее драматична. Преступление и наказание. В самый разгар элитарного времяпрепровождения, когда мы шли по улице словно два барона, у каждого в одной руке дорогуца сигарета, в другой бутылка лимонада, а из всех карманов торчат шоколадки и конфеты, нам навстречу попался человек, в одночасье положивший конец всей нашей буржуазной жизни. Это была его мама. Которая проснулась утром и не обнаружила денег на продукты, которые она с вечера положила зачем-то на холодильник. Всего одну купюру. Но самую крупную.

Конечно, влетело моему приятелю по первое число, так как его родители не были поборниками гуманного воспитания. И сидеть он не мог долго. Но на мой теперешний взрослый и, я смею надеяться, трезвый взгляд, виноваты в произошедшем обе стороны конфликта. Ибо не искушай.

Лимонад для чемпионов

Как я уже упоминал, в футбол в 90-е играли все. Все мальчишки, разумеется. И глядя на сегодняшние трансгендерные отношения, когда мальчики и девочки играют все вместе, в том числе и в футбол, совершенно забываешь, что так было далеко не всегда. В наше время ни одному пацану, если он в здравом уме, не пришло бы в голову дружить с девчонкой. Даже дёргать их за косы было ниже нашего достоинства, не говоря уже о том, чтобы мирно во что-то поиграть. Да сойди кто-то с ума и подружись с девчонкой (хотя это было и совершенно невозможное дело) – он бы стал просто прокажённым, и с ним не дружил бы уже ни один мальчишка, словно боясь подхватить невидимую заразу.

Так что в футбол играли все мальчишки, но только мальчишки. Причём независимо от возраста. Начиная, наверное, лет с 5–6 и до 13–14. Причём зачастую играли все вместе, но в определённый момент произошло социальное расслоение: более взрослое поколение, которое было старше на 3–4 года, потихоньку интерес к подобного вида развлечениям стало утрачивать в пользу забав совершенно иного толка, которые, честно говоря, не хочется даже упоминать. Скажу лишь, что такие увлечения до добра ещё никого не доводили. Мы же по-прежнему продолжали самозабвенно пинать кожаную сферу, получая от этого огромное удовольствие. Да и сказать по правде, других развлечений и не было.

И вот как-то у нас разгорелся спор со старшими, кто лучше в футбол играет – мы или они. Конечно, каждое поколение отстаивало свою точку зрения, и этот узел таки пришлось разрубить: была достигнута договорённость о контрольном матче, который и расставит все точки над «и». А чтобы с обеих сторон присутствовала максимальная мотивация и никто не играл спустя рукава, было принято решение о призовом фонде для победителя, расходы на организацию которого берёт на себя проигравшая сторона. Если выиграем мы – они нам покупают сколько-то там литров лимонада, если выиграют они – мы им покупаем ящик пива.

Прошу обратить внимание на то, что, по сути, команда игроков в возрасте, когда пиво ещё не пьют, собиралась играть с командой игроков в возрасте, когда пиво уже пьют. Ни этот факт, ни то, что призовые были очевидным образом несоразмерны, нас нисколько не останавливало. Наша уверенность в победе просто зашкаливала, и если бы был прибор, который измеряет степень пренебрежения к сопернику и собственную самоуверенность, то он бы просто лопнул, так как на шкале не нашлось бы подходящего деления. Для нас это был просто халявный лимонад. Безо всяких рисков.

Каково же было наше удивление и разочарование, когда после первого тайма мы проигрывали со счётом 2 : 4. Это было как гром среди ясного неба. Лёгкая прогулка превращалась в тернистый путь, да ещё и с неясным финалом. Ситуация осложнялась ещё и тем, что ящик пива мы даже теоретически купить не могли, потому что денег ни у кого не было. Конечно, когда мы договаривались на матч, никто об этом не думал, потому что ни у кого сомнений в победе не было. А теперь все посмотрели на это с другого ракурса.

Стоит ли говорить, что в сложившейся ситуации у нас не было другого выхода, как победить. И желание выиграть было настолько велико, что даже я, при всех своих футбольных талантах, никогда толком не умевший играть головой, забил гол, срезав мяч в ворота затылком. Причём совершенно сознательно.

Точный счёт я не помню, но лимонад был просто умопомрачительно вкусный. Потому что это был сладкий вкус победы.

Нехорошая квартирка

Будучи ребёнком, я жил в квартирке, которую иначе как нехорошей не назовёшь. Нет, в отличие от булгаковской, люди оттуда, слава богу, не пропадали, но вот животные – с завидной регулярностью. Голову даю на отсечение, что без чертовщины тут не обошлось. Но обо всём по порядку.

Всё началось с попугая. До этого у нас никаких животных не было, но нам с братом, понятное дело, очень хотелось их получить. Было почти всё равно кого – птичек, рыбок, кошечек, собачек – лишь бы кто-то был.

Всё-таки не врут, когда говорят, что мысль материальна. Мы так желали заиметь домашнего питомца, что среди зимы, при морозе минус двадцать пять градусов, через открытую на проветривание форточку в нашу квартиру залетел... не синичка, не голубь и не воробушек. А попугай. Он, конечно, нас изрядно попугал: он, видимо, подмёрз, забился в угол, мы его и не заметили сразу (так как на время проветривания одной комнаты всё семейство перемещалось в другую), форточку закрыли, а ночью он отогрелся, и ему, видишь ли, захотелось полетать. Мы с братом только что на ночь посмотрели фильм про небезызвестного графа Дракулу и тотчас же вообразили, что это вампир. Ну а кто ещё может проникнуть ночью в квартиру через закрытую дверь и судорожно метаться по комнате? Ох и визгу же было.

Для меня до сих пор остаётся загадкой, откуда он взялся у нас посреди зимы. Но, впрочем, долго недоумевать нам не пришлось. Так как клетки у нас не было, попугай за полторы недели загадил нам всю квартиру (мы, признаться, жили не в Лувре, но не до такой же степени!) и как ни в чём не бывало вылетел в ту же форточку, в которую и влетел. Только мы его и видели.

По иронии судьбы попугай этот сыграл роль надкушенного бутерброда. Хотелось ещё. И вот в нашей квартире стали появляться самые разные питомцы. К сожалению, несмотря на то, что в отличие от попугая они появлялись с нашей стороны запланированно и сознательно, исчезали они так же внезапно и непредсказуемо. И к сожалению, зачастую с летальным исходом.

Первой была в этом списке собака, эрдельтерьер, возраст девять месяцев. Причина смерти: собачья болезнь чумка.

Затем были два попугая. Возраст два месяца. Причина смерти: глупое проникновение в пасть собаке. Нашли куда залететь!

Затем аквариумные рыбки. Возраст не установлен. Причина смерти: недостаток кислорода в организме в результате разбиения аквариума, которое произошло вследствие падения последнего на пол. Кто виноват – история умалчивает. Все говорили, что пришли, а уже так было. Кстати, до сих пор никто не признаётся.

Хомячки, две штуки. Возраст – пять месяцев. Бессовестным образом украдены в общественном транспорте. Было подозрение, что с целью последующего выкупа. Скорее всего, злоумышленники планировали потребовать у нас деньги с помощью телефонного звонка. Но их планы были на корню разбиты вдребезги вследствие отсутствия у нас телефона как такового.

После такого калейдоскопа событий мы решили: нехорошая квартирка, и не дожидаясь, чтобы начал пропадать кто-то ещё, благоразумно переехали в другую.

А там уже животных заводить не стали. Чтобы не сглазить.

Всего сто рублей.

Всё-таки хорошо, что казино теперь запретили, и рабочий класс может нести свои честно заработанные копейки в полном объёме непосредственно в заботливые руки жены, дабы они пошли там на безусловную пользу общества в виде его отдельной самодостаточной ячейки – семьи. То ли дело было раньше! Ведь вспомнишь – так вздрогнешь. Прямо память отказывается вынимать из своих руин соответствующие факты и цепочки событий. И ладно ещё настоящие большие казино, где всё блестит и светится разными огнями, где швейцар у дверей и дорогая иномарка на стенде перед входом с коробочкой приза на крыше. Предполагается, что незадачливый посетитель данного благородного заведения может вбить в свою не слишком умную голову, будто бы он обязательно её выиграет – и вот тогда-то его жизнь заиграет новыми, яркими красками.

Нет, такие казино – это ещё полбеды. Это как дорогой ресторан – все его видели, все знают о его существовании, но далеко не каждый в нём был. И уж совсем далеко не каждый в нём ел. И уж совсем далеко не каждый в нём ел не во сне. Такие казино ассоциировались с лёгкой, богатой, красивой жизнью, так что среднестатистический гражданин нашей просвещённой державы держался от таких богоугодных мест на как можно более безопасном расстоянии. Да и ради справедливости необходимо добавить, что зайти в такое заведение с 100–200 рублями в кармане было решительно невозможно.

Но местные предприниматели и чиновники, рьяно радеющие за душевное состояние рабочего класса, а также за равенство и братство всех сословий нашей необъятной родины, решили, что такое положение дел в корне несправедливо и не позволяет основной массе населения реализовать своё данное им по праву рождения право «проигрывать непосильно нажитое в любых количествах». Уж как они расстраивались из-за этой поистине сословной дискриминации. Но слава богу, нашлась одна светлая голова в этом закоряченном и узко мыслящем сборище, которая выдала передовую и, я не побоюсь этого слова, революционную для того времени идею: игровые автоматы. Вот уж действительно, Архимед со своей «эврикой» просто младенец по сравнению с этими гигантами мысли.

Была, правда, парочка сомнений: вдруг дело не пойдёт? Но дело вопреки сомнениям пошло хорошо. Правда, к слову сказать, тоже не само по себе, без светлой головы не обошлось. Та же самая ли это была светлая голова либо уже совсем другая, история стыдливо умалчивает, но твёрдо можно сказать только одно: в светлости этой головы сомневаться не приходится нисколько. А идея была простая: если народ честной будет свои скудные пожитки в игровых автоматах проигрывать, так быстро молва народная славу недобрую по державе разнесёт, да и останутся отцы-основатели ни с чем. Выход же нашёлся простой: пусть недотёпы сначала выигрывают, пусть почувствуют вкус лёгких денег, пусть привыкнут к приятному и необременительному, а главное – выгодному времяпрепровождению, пусть сначала жир нагуляют, вот потом-то мы их и слопаем. Реализовать это было проще простого: нужные болтики в аппаратах подкрутить да нужный процент выигрышей выставить – и вот уже дело в шляпе. А чтобы уж совсем рабочий класс к себе заманить, давали там пиво бесплатное. Пиво бесплатное да димедрольное.

Не были бы эти головы такими светлыми, если бы что-то не так рассчитали. В реальности оказалось всё точь-в-точь по-ихнему. Понесли мужики свои кровные в эти заведения бесовские. И поначалу – что за чудо такое? – пришёл со ста рублями в кармане, ушёл с пятисотенной. И понеслась молва народная, и потирали руки стяжатели.

Конечно, долго прямой убыток терпеть светлым головам большой охоты не было, поэтому через пару месяцев болтики они обратно в аппаратах подкрутили, и началась сплошь да рядом картина обратная: теперь все больше проигрывали, но несмотря на это красочная

живая память о былых выигрышах любителям лёгких денег спокойно спать не давала. И пошёл народ проигрывать последнее.

Абсолютно нормальной была картина, когда незадачливый охотник за удачей просиживал в таких заведениях целые сутки, а то и двое. Человек лишался чувства времени в частности и чувства реальности вообще, из всех желаний у него оставалось только одно – отыграться. Таких индивидов можно было наблюдать в этих заведениях почти каждый день.

Не стану кривить душой и таить греха, автор тоже не раз участвовал в подобных мероприятиях. Было это в эпоху молодости, безрассудства и отваги, когда перспектива провести ночь в компании друзей, алкоголя и азарта казалась более привлекательной и интересной, чем провести ночь в компании детей, жены и мягкой постели. Это была эпоха, когда веселье было важнее сна, а не наоборот. Те, кому за тридцать пять – меня поймут.

Игровые автоматы в то беспокойное, но сытное время открывались буквально на каждом углу. Они генерировали гигантские прибыли, поэтому для хозяев казино не составляло никакого труда заполучить в аренду любое выгодное место: они узнавали, какую аренду платят нынешние арендаторы, и предлагали собственнику помещения в три раза больше денег. Алчные капиталисты тут же соглашались, предыдущие договорённости разрывались, фирмы из помещений выгонялись. Новые арендаторы быстро делали необходимый для них ремонт. Как правило, он заключался в том, чтобы раскрасить помещение в их фирменные цвета, завесить окна чёрными непрозрачными шторами, чтобы в помещении было круглосуточно темно, а также поставить барную стойку и как можно больше игровых автоматов.

Кстати, потом, когда все эти заведения мудрым решением запретили, арендодатели горько пожалели, что связались с этими аппаратами: во-первых, внутренняя отделка помещений уже не годилась ни для какого другого бизнеса, и прежде чем кому-нибудь туда въехать, нужно было всё обратно переделывать, а деньги это были хоть и не огромные, но и не маленькие; а во-вторых, и пожалуй, в-главных, места эти уже пользовались дурной славой у населения, и открывать там новый бизнес мало кто решался. Так и получалось, что табличка «Аренда от собственника» висела на двери годами.

Все посетители этих мини-казино делились на две большие, но совершенно не равные группы. Первые, которые составляли абсолютное меньшинство (к коим принадлежал и ваш покорный слуга), ходили туда играть. Чтобы эта фраза была более понятной, замечу, что абсолютное большинство ходило туда выигрывать. Чувствуете разницу? Играть – и выигрывать?

Если ты шёл в казино играть, то ничего страшного с тобой там случиться не могло. Ты брал с собой какие-то деньги, которые мог позволить себе проиграть, и их проигрывал. Иногда, конечно, выигрывал, но общий баланс в любом случае был в пользу казино. В общем и целом ничего страшного в этом не было: ты проводил досуг в интересном тебе ключе и, по сути, платил за это деньги. Уж там выиграл ты или проиграл, большого значения не имело: ты же получил за свои деньги удовольствие. Но к сожалению, такой философии придерживались далеко не все.

В основном люди ходили в казино, чтобы выигрывать. И по сути, для них это была дорога в никуда. Путь в пропасть. Но именно такие посетители и составляли постоянную клиентуру игровых автоматов, именно они приносили им львиную долю прибыли.

Таких любителей лёгкого заработка определить можно было довольно легко. Было несколько признаков, позволяющих сделать практически безошибочный вывод относительно их намерений. Во-первых, это красные воспалённые глаза, по которым было сразу понятно, что солнечного света они не видели уже давно. Во-вторых, это соблюдение различных ритуалов. Чтобы привлечь удачу, игроки пускались на всяческие ухищрения. Например, купюра засовывалась в купюроприёмник только определённым образом: одной конкретной стороной и держалась она при этом пальцам руки определённым, «счастливым» для данного игрока способом. И никого не смущало, что деньги в автомат «счастливым способом» засовываются каж-

дый раз, но при этом зачастую там и остаются, ничего не давая счастливчику взамен. Или вот ещё ритуал: если выпадал бонус, то считалось, что нужно срочно закурить, тогда «аппарат тебе больше насыплет» во время отыгрыша бонуса.

По совести сказать, по понятным причинам помогало всё это довольно слабо. А точнее сказать, никак. Но тем не менее заядлые любители выигрыша всё так же надеялись на лучшее и делали всё для того, чтобы оно наступило.

Нередки были случаи, когда такой горе-игрок приходил в казино вечером со ста рублями в кармане, так, для заправки, время провести да пива выпить, а выходил оттуда утром, проиграв несколько десятков тысяч рублей.

– Как же так возможно? – спросит дотошный читатель.

Отвечаю: рецепт простой. Первый этап такого финансового падения заключался в том, что после проигрыша своей жалкой сотни небольшие суммы начинают занимать у друзей. Да, небольшие. Но по несколько раз и у всех, кто есть рядом. И слава всевышнему, если друзья в это время тоже играют и проигрывают: это означает, что денег у них мало и много не займешь. Но если ещё одновременно кто-то выиграл, то это двойной удар под дых для главного героя: во-первых, глядя на чужой выигрыш, игрок ещё больше распаляется, и алчная жажда выиграть самому становится еще сильнее; а во-вторых, это означает, что у кого-то стало много денег и их можно все у него занять.

К слову сказать, отказать в займе такому другу невозможно в принципе. Можно сколько угодно пытаться его вразумить, говорить, что назавтра сам мне спасибо скажешь (и ведь сказал бы!), что денег тебе не дам, что уже поздно и пора домой и так далее. Это, как говорится, что мёртвому припарка. Достаточно взглянуть такому игроку в глаза – и станет абсолютно ясно, что разговоры здесь совершенно бессмысленны и ни к чему не приведут, потому что глаза уже налились, и всю площадь зрачка занимает только одно желание – отыграться. И такая в них чувствуется нечеловеческая сила и отрешённость от всего земного, что становится понятно, что спорить здесь бесполезно.

После того как у всех друзей не осталось ни рубля, финансовое падение героя вступает во вторую фазу: поездка домой за деньгами. Что в таких случаях говорят домашним, я даже примерно представить не могу. Одно только могу сказать точно: чтобы в три часа ночи забежать домой на пять минут, незаметно для всех взять деньги и так же выбежать из дома – для этого нужен как минимум недожинный талант. Причем таких поездок за деньгами за ночь могло быть до трёх, последняя уже под утро. А это уже можно открывать школу ассасинов и актёрского мастерства одновременно.

Ну и третий (и последний) этап финансового падения – это утренние раскаяние и уныние. Которые совершенно не мешали вечером опять пойти поиграть в аппараты со ста рублями в кармане. Ведь всего сто рублей. Подумаешь, тоже мне сумма.

Коляска

Я стоял в мини-очереди перед хлебным киоском и наслаждался чудесной осенней погодой. Передо мной стояли два человека. Было тепло, безветренно, светило солнышко – в общем, был отличный осенний денёк, которых не так уж много выпадает на это время года. Люди в очереди в соответствии с погодой были доброжелательными и вежливыми, что в очередях бывает нечасто. Я только вчера переехал в новую квартиру, свою собственную. Этого события я ждал несколько лет, и жизнь мне теперь казалась прекрасной и удивительной.

Уже подошла моя очередь покупать хлеб и что-нибудь эдакое к чаю, как я увидел быстро приближающуюся к нам молодую женщину с коляской. Она была довольно привлекательна, лет тридцати – тридцати пяти, среднего роста, с длинными тёмными волосами. Одета она была, несмотря на довольно тёплую погоду, в длинный чёрный плащ почти до самой земли и дорогие блестящие сапожки. Перед собой она катила детскую коляску, в которой вместо ребёнка сидела кукла. Лицо её было взволнованно, в глазах стояли слёзы.

– Послушайте, вы не видели мою дочку? – обратилась она ко мне. – Девочка, пять лет, светлые кудрявые волосы. Одета была в бежевое платье, – казалось, она сдерживается из последних сил, ещё чуть-чуть – и разрыдается.

– Нет, не видел, – покачал я головой. – Но я только пять минут как сюда пришёл. Может быть, продавщица видела?

На лице у женщины появился луч надежды, и она посмотрела вопросительно внутрь киоска:

– А вы не видели?

Продавщица, дородная женщина лет 50–60, тучная и не очень ухоженная, безразлично взглянула на неё.

– Не видела я никого, – довольно грубо ответила она. – Не видишь, что ли, работаю я. Ходят тут всякие. Домой иди. Дома, наверное, уже дочка твоя, ждёт тебя уже небось.

Я просто остолбенел. Как можно было так по-хамски разговаривать с несчастной матерью? Я не мог не вмешаться.

– Послушайте, – обратился я к этому тяжёлому бомбардировщику. – Почему вы позволяете себе разговаривать с этой женщиной в таком тоне? Она вам ничего плохого не сделала.

Она ухмыльнулась и проговорила сварливым тоном:

– Молодой человек, не задерживайте очередь. Купили хлеб – и отходите, не мешайте работать. – И уже следующему покупателю: – Слушаю вас.

Понятно было, что разговаривать с ней о чём-то совершенно бесполезно. Я обернулся и посмотрел на несчастную женщину. Слёзы текли по её лицу, но рыдания она пока сдерживала.

– Давайте я вам помогу, – неожиданно сам для себя обратился я к ней. Обычно я не рвался помогать незнакомым людям, но ей мне захотелось помочь. – Пойдёмте, присядем на лавочку. Вы дрожите.

– Вы не понимаете. Она же пропала. Ещё десять минут назад была в коляске, а сейчас её нет, – возразила она прерывистым голосом.

Ветер трепал её волосы, и причёска совсем испортилась, но она не обращала на это никакого внимания.

– Пойдёмте, присядем, вы мне всё расскажете, и я постараюсь вам помочь. Как вас зовут?

– Света.

– Светлана, мы обязательно найдём вашу дочку.

Я взял её за локоть, и мы пошли к ближайшей свободной лавочке. Она шла не сопротивляясь, словно доверилась мне. Я понимал, что она была на грани истерики и что её необходимо хоть немного успокоить, иначе от поисков не будет никого толка.

Погода мистическим образом начала портиться. Небо затянули облака, солнца стало совсем не видно. Поднялся ветер, как раз такой, который обычно бывает перед ливнем. В ближайшее время должно было пролиться.

Мы сели на лавку.

– Светлана, расскажите, где вы последний раз видели свою дочку? – как можно более участливым тоном спросил я.

– Я.. я не знаю! – женщина всё-таки разрыдалась.

Нужно было как-то её утешать. Но я не знал как. И просто продолжал спрашивать.

– Как это не знаете?

– Ну мы пошли с Катей в больницу, я везла её в коляске. А когда выходила из больницы, мне позвонили на сотовый, я отвлеклась и не проверила, в коляске она или нет. Коляска, видите, какая большая, и ещё этот козырек, а она у меня такая маленькая ещё...

– Сколько ей лет?

– Пять, – Светлана постоянно всхлипывала.

– То есть вы не знаете, была ли она в коляске, когда вы выходили из больницы?

– Не знаю, – она опять разрыдалась.

– А больница далеко отсюда?

– Нет, недалеко.

– А куда вы пошли после больницы?

– На детскую площадку – вон ту, – она показала пальцем на располагающуюся примерно в ста метрах детскую площадку. – Пришла, хотела её вытащить из коляски, а там... а там... кукла только... Это её любимая игрушка, она никогда с ней не расстаётся. Если бы она куда-то убежала сама, то обязательно взяла бы её с собой. А она её оставила. Я чувствую, что с ней что-то случилось, – она рыдала и рыдала, и я понятия не имел, как её успокоить.

– А зачем вы в больницу ходили? Катя чем-то болеет?

– Катя? – она посмотрела на меня недоумённо. – Болеет? Нет, она не болеет. Это у меня хроническое заболевание, я три раз в неделю на лечение хожу. А теперь она пропала...

– Так, всё понятно, – постарался я сказать как можно бодрее, хотя, конечно, ничего понятно мне не было. – Предлагаю организовать коллективную спасательную операцию. Я вам помогу. Пойдёмте, сначала обследуем детскую площадку.

– Хорошо, – Светлана немного успокоилась. Видимо, мой бодрый деловой тон положительно влиял на её состояние. – Пойдёмте.

Мы поднялись со скамейки и быстро подошли к детской площадке. Уже начал накрапывать дождик, и с площадки, на которой ещё десять минут назад резвились дети разных возрастов, всех как бурей смело. Не было никого.

Честно говоря, у меня была слабая надежда, что, возможно, остались какие-то следы, но, конечно, это была полная ерунда. Какие следы на пыли и песке? Притом что всё там было топтано-перетоптано. «Тоже мне следопыт выискался, – подумал я. – Бредовее ничего придумать не мог?»

– Зачем мы сюда пришли? – вопросительно посмотрела на меня Светлана. – Здесь же никого нет.

Да, сыщик из меня тот ещё. Нужно было что-то отвечать. Иначе тонкая ниточка доверия, протянувшаяся между нами, могла порваться в любой момент. Но что ей сказать?

– Светлана, посмотрите внимательно, нет ли здесь каких-то вещей вашей дочери?

Она внимательно осмотрелась вокруг, подошла к железной горке, посмотрела под ней, заглянула в песочницу и отрицательно покачала головой.

– Так. Хорошо. Тогда нам необходимо проследовать вашим маршрутом от детской площадки до больницы и посмотреть, возможно, мы что-то сможем найти на этом пути, – фразы строились самым дурацким образом, но я специально избрал это деловой, можно даже сказать,

официальный тон. Эти интонации явно действовали на неё успокаивающим образом. Она уже совсем не рыдала, и в глазах почти не было слёз. Я понимал, что если не хочу новой истерики, необходимо действовать, действовать и действовать и не давать ей задумываться о чём бы то ни было.

– Хорошо, пойдёмте, – мне показалось – или в её голосе действительно мелькнул луч надежды?

– Вы хорошо помните, как вы шли сюда? – уточнил я у неё.

– Да, конечно.

– Тогда идите вперёд, я пойду за вами. Постарайтесь пройти точь-в-точь тем маршрутом, которым пришли сюда.

– Хорошо, я постараюсь.

И она пошла, толкая коляску с куклой перед собой, поминутно оборачиваясь то направо, то налево, стараясь найти хоть что-то, что поможет нам в наших поисках. Я шёл за ней и, честно говоря, толку от меня было мало. Я не знал, как выглядит её дочь, и в этом смысле помочь не мог. Я мог её только успокаивать.

«А ведь она красивая, – подумал я, получив возможность постоянно наблюдать Светлану сзади. – Шёлковые волосы, стройная фигура, изящная походка. Интересно, она замужем? Скорее всего, нет. Иначе не подходила бы ко всем подряд, а в первую очередь позвонила бы мужу. Наверное, разведёнка. Может быть, можно будет пригласить её куда-нибудь? Конечно, после того как найдём её дочку».

Мне стало стыдно за свои мысли. У человека горе, а я думаю чёрт знает о чём. У меня, конечно, никаких детей не было (да и быть не могло – к чему мне лишняя обуза?), но эмоции матери, у которой посреди большого города куда-то запропастилась маленькая дочурка, я примерно понять мог.

Дождь полил сильнее, стало холодно. Я уже начал дрожать в своей лёгкой куртке, рассчитанной на тёплую, почти летнюю погоду. А потерявшаяся девочка, как сказала мама, одета в лёгкое платье. Если она где-то на улице, то промокнет и замёрзнет, а до воспаления лёгких дело у малышей доходит очень быстро – это я знаю благодаря моим друзьям с детьми. Главное, не натолкнуть на эту мысль мою спутницу, в этом случае очередная порция рыданий гарантирована. А слезами, как известно, делу не поможешь.

Начало темнеть. Это уже совсем никуда не годилось. В темноте найти маленькую потерявшуюся девочку будет крайне тяжело, если не сказать невозможно.

У каждого встречного прохожего Светлана спрашивала одно и то же: не видели ли они пятилетнюю девочку в светлом платье и с кудряшками на голове. Большинство сразу качали головой, я даже не уверен, что они хорошо слышали вопрос. Они делали это по инерции, так как привыкли, что к тебе постоянно обращаются какие-то незнакомцы со своими нелепыми просьбами. Бич большого города. Единицы останавливались на пару секунд и задумывались, но отвечали так же отрицательно. Никто никого, к сожалению, не видел.

Когда мы дошли до больницы, уже совсем стемнело. Лампочка на крыльце не горела, и я даже не смог прочитать, что было написано на входе. Я видел, что моя спутница опять срывается, вот ещё чуть-чуть – и беды не миновать. Нужно было срочно что-то делать.

– Послушайте, Светлана, вы не могли забыть дочку в больнице? – быстро задал я вопрос.

– Да, могла. Мне позвонили, я отвлеклась, взяла коляску и не посмотрела под козырьком, там она или нет. Вы же видите, какой огромный козырёк – это специально, если вдруг дождь, так чтобы ребёнка не намочило.

– Так давайте зайдём внутрь и спросим, может быть, она там?

Она молча кивнула и зашла внутрь. Я последовал за ней.

Внутри была больница как больница. Большой серо-грязный холл с высокими потолками и тусклыми лампочками. Вдоль стен были прикручены откидные стулья из коричневого кож-

заменителя, на которых сидели несколько человек. В центре зала светило окошечко администратора.

Мы подошли к нему. Внутри окошка я разглядел стройную женщину в белом халате, примерно лет сорока, с умными, грустными глазами. Светлана спросила, не видела ли она здесь потерявшуюся девочку. Женщина из окошка внимательно посмотрела на неё. Потом на меня. Потом снова на неё.

– А это кто с вами? Ваш муж? – ни к селу ни к городу задала она не совсем вежливый вопрос.

– Нет-нет, я не муж, я просто помогаю, – поспешил вмешаться я. – Видите ли, у неё пропала дочка, и я вот помогаю её искать.

– А, ну понятно, – никакого участия в голосе не было. – Нет, здесь никого нет и не было. Никаких потерявшихся девочек без мам.

И дальше обратилась ко мне:

– С вашей спутницей всё в порядке? Может быть, успокоительное вколоть?

– Нет-нет, не нужно, всё в порядке, – странно всё это было, честно говоря. У матери пропал ребёнок, а они предлагают успокоительное. Что у нас за медицина?!

Светлана совсем сникла. Плечи её опустились, слёзы опять покатались по щекам. Видимо, у неё была последняя надежда, что дочка найдётся в больнице, и вот теперь стало понятно, что нет, не найдется.

– Мы тогда, пожалуй, пойдём, – сказал я и обнял Свету за плечи. Мне было её очень жалко. Я лёгким движением развернул её в обратную сторону, и мы направились к двери.

– Куда же вы пойдёте? – услышал я со стороны окошечка.

– В полицию, – твёрдо сказал я. – Будем заявление писать.

– А... ну-ну... – в голосе слышалась издёвка. И я её понимал: если уж у нас медицина такая, то что уж говорить про полицию...

Но отчаиваться было нельзя ни в коем случае.

– Светлана, а вы далеко отсюда живёте? Может быть, Катя уже дома и ждёт вас под дверью?

– Нет, мы далеко живём, – в голосе Светы слышалось отчаяние. – Мы сюда на автобусе ехали. Да и без куклы своей никуда бы она не ушла, – Света начала тихонько всхлипывать. – Я же мать, я чувствую, что с ней что-то случилось.

– Тогда в самом деле пойдёмте в полицию, напишем заявление о пропаже. Может быть, ещё ничего и не случилось? Просто потерялась маленькая девочка. Они сразу начнут её искать и тут же найдут.

Светлана обречённо покачала головой:

– Нет, я чувствую, что что-то случилось.

Я посмотрел по навигатору, где было ближайшее отделение полиции. Совсем недалеко. Если через дворы, то пять минут пешком.

Дверь в отделение была закрыта, я нажал на кнопку домофона. Дверь пропикала, я её толкнул, и она открылась. Мы сразу попали в небольшую плохо освещённую комнатёнку с потёртым столом и двумя драными стульями. В противоположном конце комнатёнки за узорной решёткой сидел дежурный. Мне показалось, что, увидев нас, он вдруг погрузился и тяжело вздохнул.

Мы подошли к решётке.

– Я вас слушаю, – обречённо произнес он. – Что вы хотели?

Я первый раз был в полиции и чувствовал себя немного растерянным.

– У нас девочка пропала. Маленькая. Мы хотим заявить.

– Ваша дочка? – уточнил дежурный.

– Нет, не моя, её, – я показал на Свету. – Понимаете, она пропала, а...

– Нет, объяснять мне ничего не нужно, – перебил меня дежурный. – Вот вам бланк, пишите заявление о пропаже. Рассмотрим. Сорок восемь часов прошло с момента пропажи?

– Не прошло, но ведь это маленькая девочка. Не можем же мы столько ждать.

Света всё это время стояла рядом понуриив голову и судорожно вздыхала. Зрелище было настолько жалкое, что даже дежурный не устоял.

– Ну хорошо, идите вон за стол садитесь, там ручка есть, пишите заявление, я у вас приму. Рассмотрим.

– Как это «рассмотрим»? – возмутился я. – Маленькая девочка ходит по городу под дождём в такую холодину! Нужно же срочно ехать её искать. Да и какие вообще заявления!!! Высылайте поисковые бригады!!!

Дежурный смотрел на меня одновременно с некой иронией и брезгливостью.

– Да вы успокойтесь, успокойтесь, – произнёс он с нажимом. – Порядок есть порядок. Идите пишите заявление, как напишете – постучитесь, я его приму. Всё.

И он с грохотом опустил фанерную заслонку, которая теперь надёжно отделяла его от приёмной комнаты и от нас.

Понимая, что ничего другого не остаётся, я написал заявление от имени Светланы, дал ей подписать, и мы отдали его хаму-дежурному.

На улице была уже почти ночь. Дождь кончился, тучи рассеялись, небо было усеяно звёздами, и белым светом светила луна. Света мелко дрожала, то ли от холода, то ли от горя, то ли от того и другого вместе.

Делать было нечего, нужно было ехать домой. Светлана была полностью погружена в свои мысли, не произносила ни слова, и мне казалось, что она уже не понимает, где она и почему она здесь.

Одну её отпускать домой я не хотел. Вызвал такси и поехал вместе с ней. Жила она, как оказалась, не так уж и далеко. Я проводил её до квартиры, оставил свой номер телефона, сказал, чтобы звонила, если вдруг что. Попрощался и ушёл.

На следующее утро я опять пошёл за хлебом в тот же киоск. Внутри сидела та же продавщица, что и вчера. Покупая хлеб, я не смог сдержаться и высказал ей всё, что думаю по поводу её вчерашнего поведения.

– А ты, сынок, видать, не местный? – ухмыляясь, спросила она.

– Да, а какое это, собственно... – начал было я.

– А такое это, собственно, – бесцеремонно перебила она меня. – Сразу видно, что не местный. Видать, недавно переехал? А то не носился бы тут как угорелый. Все местные-то её знают...

– Кого? – нехорошее предчувствие кольнуло меня где-то в области груди.

– Кого-кого! Её! – насмешливо продолжала продавщица. – Как она сказала её зовут? Ах, Светлана? Ну, значит, Светлану. Она так по три раза в неделю тут ходит с коляской и этой куклой и всё дочку свою ищет.

– В смысле? – я ничего не понимал.

– В смысле, сумасшедшая она. Два года назад муж ейный с дочкой под КамАЗ попали, ехали встречать её с аэропорта. Она-то была важная птица, чем занималась – не знаю, но на самолётах летала постоянно туда-сюда. Машина в лепёшку. Вот с тех пор она двинулась умом. Возит куклу в коляске и думает, что это её дочка погибшая. Она не буйная, в лечебницу не забирают. Но на процедуры три раза в неделю ходит. Там ей то ли колют что-то, то ли таблетки дают. В общем, действуют они, и она начинает что-то соображать. Каждый раз выходит из больницы и видит, что нет дочки, кукла только. Про автокатастрофу-то вспомнить, конечно, не может. Вот и ищет её каждый раз. Мы-то уж привыкли. А вы, наверное, и в больницу ходили, и в полицию? Везде она уже надоела, но жалеют, правду не говорят. Делают вид, что действи-

тельно она дочку где-то в городе потеряла. Да чего там, сегодня уже действие таблеток пройдёт, опять будет как милая с куклой своей разгуливать. Жалко её, конечно, ну да чем поможешь-то?

И тут я увидел Светлану, которая выворачивала из-за угла. Впереди она катила коляску, в коляске сидела кукла. Светлана разговаривала с ней, на лице у неё светилась улыбка. По всему было видно, что она счастлива.

Летучий корабль московского уезда

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был мужик. И было у него три сына. Сказать по совести, дураки все трое. Из нижеизложенного это будет видно любому непредвзятому и незамысленному глазу.

В том же царстве том же государстве жил-был царь. Царь был стар, но... ещё не до конца стар. И если опять говорить по совести, то тоже дурак.

И вот издал он указ: дескать, выдаст свою дочь за того, кто летучий корабль построит. Ну посудите сами, не дурак ли? Маразм, видимо, не иначе. Впрочем, возможно, тут и прямой расчёт был: зятю-то полцарства отдавать нужно, в то время как врождённая жадность не давала совершить столь невыгодный поступок. В то же время полное отсутствие фантазии и наличие вышеупомянутого старческого маразма не давали придумать более правдоподобную отговорку.

Итак, объявил этот дурак про летучий корабль, а сам, наверное, подлец, сидит на троне и руки потирает: вот как я хорошо всё придумал и всё устроил. Теперь оба полцарства мои. А царевне-то один леший уже сорок с хвостиком (о длине хвостика благоразумно упоминать не будем), к ней не то что на летучем корабле, даже если и без одного кто свататься придёт – уже чудо великое будет. В самом деле, не за папины же деньги на принцессах женятся, а исключительно по взаимной любви.

Опять мы отвлеклись. Объявил, значит, царь указ. И разнесли его глашатаи по всей стране. Честно говоря, вымолвить стыдно, какие слова они про царя и этот указ думали. Цензуру бы те мысли не прошли даже в самой передовой державе, если бы кто из ума выжил и их изложить на бумаге... простите, пергаменте решил.

И вот в глухой деревне тоже про тот указ прознали. Уж каким способом – представить сложно. То ли у них персональные царские глашатаи в каждом богом забытом уголке были, то ли я даже и не знаю что.

Решили, значит, два старших дурака идти строить летучий корабль. К делу подошли основательно, подготовились, так сказать. Даже всё предельно чётко спланировали. План был таков. Пункт первый: прийти в лес. Пункт второй: спилить деревья. Пункт третий: построить из деревьев корабль. Пункт четвёртый: преобразовать корабль в летучий. Пункт пятый: лететь на нём к царю и жениться на царской дочери.

Нужно отдать дуракам должное, спланировано всё было относительно неплохо, пункты с первого по третий никаких нареканий не вызвали бы даже у самого предвзятого критика. Но вот четвёртый... Эх, четвёртый... Он немного, как бы это сказать, провисал в тумане, но братьев это не смущало. Они решили, что за работу возьмутся, а там уж всё само собой как-нибудь наладится.

И по совести говоря, с пятым пунктом тоже всё не до конца ясно было. Немного терялась в тумане вторая его часть, где говорилось про женитьбу. Корабль делали вдвоём, а кто же жениться-то тогда будет? Не двое же разом? Чтобы было несколько жён у одного мужа – такое у басурман бывает, но чтобы у одной жены несколько мужей – такого никто припомнить не может. Впрочем, они надеялись, что этот пункт тоже как-нибудь сам собой рассосётся. Ну вот и посудите, не дураки ли?

Пошли они в лес, гору деревьев срубили, кучу топоров затупили – корабль построили, но летать его, понятное дело, научить не смогли. Так и вернулись домой ни с чем.

Хотя что значит ни с чем? А командировочные? А сверхурочные? А так называемые непредвиденные расходы? В общем, вернулись-то они домой вполне довольные, а мамаше в качестве доказательства ценности своей командировки и целевого расходования денежных средств принесли модель летучего корабля, масштаб 1 : 50, а также справку от учёного профес-

сора о том, что такая модель не может стать летательным средством, так как это было бы нарушением законов физики, а за это по головке не погладят. Закон есть закон, нужно соблюдать.

А уж мамаша-то как испугалась, что они могли закон нарушить! Так что она только обрадовалась, что ничего не получилось, а выданные на изобретение средства списала с баланса как расходы на научные изыскания, не приведшие к конкретному практическому результату. Статья, кстати, удобная, тут главное – напирать на научную значимость и отсутствие результата – спишутся какие угодно средства.

И вроде всё уже хорошо закончилось, так ведь нет, третий, младший сын (а мы помним, что он тоже дурак) начал в лес проситься.

– Пойду, – говорит, – тоже счастья попытаю.

– Куда пойдешь ты? – отвечает ему мать. – Ассигнований-то на тебя уже не отпущено! Можешь только за свой счёт в командировку съездить. Ни тебе командировочных, ни компенсации проезда!

Делать нечего. Третий-то совсем дурак был, не понял он расклада старших братьев, пошёл в лес, так сказать, за личный счёт, на собственные то есть средства.

И у старших-то план какой-никакой был, а у этого и того не было. Пришёл в лес, смотрит на деревья, что делать, не знает. Топор-то дома забыл. Не удивительно, безо всякого плана-то!

Тут подходит к нему старичок-боровичок, откуда взялся, совсем непонятно.

– Здравствуй, молодец, – говорит. – Куда путь держишь?

Отвечает дурачок:

– Летучий корабль хочу построить, чтобы лететь на нём к царю и жениться на его дочери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.